

147/250-100.
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

СЕНКОВСКАГО

(БАРОНА БРАМБЕУСА).

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1859.

Продается у А. СМЕРДИНА сына и К^о.

ЧУВАШИ,

ИХЪ ПРОИСХОЖДЕНІЕ И ВѢРОВАНІЯ.

—

По поводу сочиненія: *Записки Александры Фувсъ о Чувашахъ и Черемисахъ Казанской Губерніи. Казань, 1840.*

—

Есть время, въ супружеской жизни, когда два сердца, связанные вѣчными узами и раздѣленные на нѣсколько недѣль стеченіемъ неизбѣжныхъ обстоятельствъ, стараются только считать, и сообщать другъ другу, свои взаимныя біенія: письма ихъ пламенѣютъ, каждая фраза 'клокочетъ кипящимъ чувствомъ, каждая строка кажется огненною струей лавы, которая сжигаетъ все на пути своемъ, прорываетъ горы, опрокидываетъ всѣ преграды, въ томъ числѣ иногда и орѳографію; это — изверженія тоски, нѣжности, восторговъ, надеждъ, объятій, поцѣлуевъ; супруги, въ эту эпоху внутренняго блаженства, пицуютъ одинъ къ другому, какъ писалъ Абеларъ къ Элоизѣ, какъ Элоиза писала къ Абелару. Но, мало-по-малу, проходитъ это волшебное время: прпмѣръ дублинскаго врача, который попалъ въ мѣдный котелъ во время пожара пивоварни, показываетъ, что къ

огню можно привыкнуть такъ же какъ къ нюхательному табаку, что можно даже въ раскаленномъ жерлѣ дѣлать наблюденія съ термометромъ и вести ученныя записки; не мудрено, послѣ этого, что и супругамъ кажется холодно среди постоянныхъ жаровъ брачной любви: въ Индіи вода замерзаетъ часто при восьми градусахъ теплоты въ атмосферѣ — такова сила испаренія! Сильное испареніе горячаго чувства въ бракахъ должно по необходимости производить то же самое явленіе: два сердца ощущаютъ озвобъ, не переставая, болѣе или менѣе, горѣтъ внутри; счастье становится привычкою, и восторги смѣняются диссертациями, нѣжность принимаетъ важную осанку разсужденія, порой даже учености: тогда супруги, обыкновенно, начинаютъ писать другъ другу письма о Чувашахъ и Черемисахъ, что, однакожъ, не мѣшаетъ имъ быть вполне счастливыми супругами. И увѣряю васъ, что такія письма занимательны не менѣе тѣхъ, которыя пишутъ они въ первую эпоху. Для меня такія письма даже занимательнѣе огнедышащихъ посланій Юліи къ Сенъ-Прё и обратно, и я могу поставить въ примѣръ письма господина и госпожи Фуксъ, изданныя теперь въ Казани подъ заглавіемъ «Записокъ о Чувашахъ и Черемисахъ». Слово «Записки» употреблено здѣсь не въ томъ смыслѣ, какъ вы думаете — отнюдь не въ значеніи «мемуаровъ» — а въ коренномъ русскомъ значеніи: это настоящія *записки* или *записочки*, то есть, маленькія посланія, письмеца безъ церемоній, съ дружескимъ «отвѣтомъ» такой же формы; такъ сказать — супружескія *billets*.

doix о Чувашахъ и Черемисахъ, совершенно въ родѣ тѣхъ, какія обыкновенно пишутся между супругами.

Я вполне одобряю эту форму, и, по прочтеніи книги, чувствую на опытѣ все преимущества методы трактовать супружескимъ образомъ темный и запутанный вопросъ о Чувашахъ и Черемисахъ. Такіе вопросы, для приведенія въ надлежащую ясность, требуютъ всей откровенности въ приводимыхъ фактахъ, всей кротости въ разборѣ, всей полноты обоюднаго довѣрія и согласія въ мнѣніяхъ, всего отсутствія соперничества, зависти и самолюбія; и одна только переписка нѣжныхъ супруговъ можетъ соединить въ себѣ столь важныя и рѣдкія качества. Многіе ученые смертельно перессорились за Чувашей и Черемисовъ, упрекали другъ друга въ невѣжествѣ и шарлатанствѣ, и читатели до-сихъ-поръ не знаютъ что думать о Чувашахъ, Черемисахъ и этихъ ученыхъ. Въ супружескомъ образѣ трактованія, этого случиться не можетъ. Сверхъ-того вопросъ самъ по себѣ довольно сухъ и скученъ: но, когда его разбираютъ дружески два супруга съ тѣмъ примѣрнымъ согласіемъ, съ тѣмъ взаимнымъ уваженіемъ къ своимъ мнѣніямъ, и съ той нѣжностью, которая всегда знаменуютъ счастливые браки, онъ становится не только интереснымъ, но даже трогательнымъ. Прежде я чувствовалъ къ Чувашамъ и Черемисамъ только холодное любопытство: теперь, по прочтеніи «Записокъ» госпожи Фуксъ, и «Отвѣтовъ» господина Фукса на ея записки, я люблю ихъ какъ родныхъ. При чтеніи многихъ страницъ

этой книги, мнѣ страхъ хотѣлось самому быть Чувашемъ или Черемисомъ, чтобы объяснить супругамъ-исслѣдователямъ разныя обстоятельства, которыхъ эти простые люди не умѣли растолковать имъ. Давно не читалъ я книги, сильнѣе и пріятнѣе увлекающей вниманіе. Видъ дружныхъ усилій этого ученаго брака сообщаетъ ей особенный интересъ, котораго никогда не представляютъ сочиненія, писанныя женами и мужьями врознь. Въ ней есть что-то почтенное, что-то достойное благоговѣнія. Видишь, кажется, супруговъ Дасіе, объясняющихъ при вечернемъ поцѣлуѣ греческія рѣченія, съ усердіемъ и искусствомъ, которыя принесли столько пользы классическимъ наукамъ; и нельзя припомнить безъ удивленія, что этимъ счастливымъ союзомъ, постоянно благословляемымъ судьбою и музами, небо наградило ученаго иностранца, который, въ новомъ своемъ отечествѣ, Россіи, положилъ столько заслугъ какъ врачъ, профессоръ, начальникъ университета, естествоиспытатель, антикварій, этнографъ и любитель исторіи, и благородную русскую даму, которая умѣла одѣлать его достоинства и сама возлѣ него стала извѣстною какъ поэтъ и изящная писательница.

Чуваши и Черемисы очень справедливо обратили на себя ихъ вниманіе. Эти два загадочныя поколѣнія давно беспокоятъ ученыхъ, которые и до-сихъ-поръ не знаютъ, куда ихъ отнести при классификаціи народовъ. Одни принимаютъ ихъ за Финновъ, другіе за отрасль турецкаго поколѣнія. Іоаннъ Аделунгъ, въ «Науки Всеобщаго Язы-

кознанія», помѣстилъ ихъ въ двухъ особенныхъ отдѣлахъ подъ странными названіями «Турко-Татаръ» и «Разныхъ смѣшанныхъ племенъ». Фактеръ, въ «Митридатѣ», не лучше Аделунга объяснилъ вопросъ объ ихъ происхожденіи. Объ нихъ писали также Палласъ, Георги, Миллеръ, господи Эррманъ, Клапротъ, Аноровъ, Леопольдовъ. Двѣ грамматики чувашскаго языка, одна даже со словаремъ, изданы въ Петербургѣ и въ Казани. Евангеліе, катехизисъ и нѣсколько духовныхъ наставленій, напечатаны на томъ же языкѣ въ разные времена. По этимъ матеріаламъ господинъ фонъ-дери-Габеленцъ пытался недавно составить ученую грамматику его и, основываясь на своихъ открытіяхъ относительно характера языка, причислялъ Чувашей къ Финнамъ. Госпожа Фуксъ еще умножила прежніе источники новыми и многочисленными текстами чувашской народной поэзіи, несравненно лучшимъ матеріаломъ для подобныхъ соображеній нежели переводы съ русскаго, сдѣланные Русскими для Чувашей и которыхъ Чувашини не понимаютъ. И что же? Несмотря на столько пособій, столько изслѣдованій, нельзя сказать положительно, къ какому корню принадлежитъ этотъ странный языкъ. Продолжительное господство Татаръ турецкаго племени надъ приволжскими странами могло принести къ нему множество словъ и оборотовъ, но никакъ не могло бы оно сообщить ему множества отличительныхъ формъ турецкаго языка; а эти формы въ немъ находятся, и между-тѣмъ языкъ рѣшительно не турецкій, тѣмъ болѣе что, съ другой стороны, онъ представляетъ такое

же число коренныхъ словъ и формъ финскихъ, монгольскихъ, маньчжурскихъ, даже американскихъ, и кромѣ-того своихъ собственныхъ. Случайности простаго смѣшенія не произвели бы столь полной и самостоятельной системы языка. Въ этомъ-то языкѣ ученый академикъ Френъ открылъ настоящій корень названія древней столицы Хазаровъ, *Саркиль*, которое должно значить *Бѣлый домъ*: въ самомъ дѣлѣ *сара*, *сора*, или *шора*, значить по-чувашски — бѣлый, а *киль* значить — домъ: любопытное и важное открытіе, которое Клапротъ занялъ у него и, по обыкновенію, выдалъ за свое; оно показываетъ, что Хазары, по-крайней-мѣрѣ Бѣлые, принадлежали къ этому племени. Господинъ Фуксъ того же мнѣнія, и его супруга совершенно съ нимъ согласна. Они даже думаютъ, что и Булгары были тоже Чуваши, но это требуетъ ограниченія: конечно, самая значительность нынѣшняго чувашскаго народонаселенія въ древней приволжской Булгаріи не позволяетъ сомнѣваться въ томъ, что оно нѣкогда составляло важную часть болгарскаго народа, но нельзя также отвергнуть и того, что Аравитяне, которые принесли исламизмъ въ Великіе Болгары, хорошо знали Булгаровъ и имѣли очень основательныя причины постоянно называть царя ихъ *царемъ Славянъ*. Въ то по-крайней-мѣрѣ время и болгарскій царь и его столица совершенно-было ославянились: нравы и языкъ Великихъ Болгаръ, въ описаніи Ибнъ-Фодлана, представляютъ несомнѣнные слѣды славянскаго характера. Наконецъ въ языкѣ Чувашей находится также и

настоящее объясненіе древняго и новаго названій Волги: *адыль* (Идиль, Итиль, Атель, Этель) значитъ въ немъ «рѣка», а *вола*, *ола* — «святой», такъ, что оба названія, древнее и новое, составляютъ по-настоящему одно собственное имя, *Вола Адыль*, которое значило — «Святая Рѣка». Замѣчательно, что въ выраженіи «*Вола-Рѣка*», употребительномъ въ русскомъ просторѣчїи, существительное *Адыль* замѣнилось одно-значащимъ славянскимъ словомъ «рѣка», тогда-какъ чувашское или хазарское прилагательное *вола* осталось въ немъ въ подлинникѣ. Впрочемъ, примѣры такихъ полу-переводовъ не рѣдки въ лексикографіи собственныхъ именъ.

Госпожа Фуксъ въ своихъ «Запискахъ» и мужъ ея въ «Отвѣтахъ» на эти записки, сообщаютъ много любопытныхъ свѣденій о религіи некрещеныхъ Чувашей, которые вовсе не идолопоклонники: они признаютъ два начала, доброе и злое; добраго бога называютъ Тора; съ нимъ легко ужиться, но этотъ почтенный и кроткій хозяинъ вселенной имѣлъ несчастіе «дурно жеваться», а именно, на Керемети, или началѣ зла, сварливой и бѣшеной богинѣ, которая обманываетъ мужа, мучитъ его, боговъ и людей. Торы они вовсе не боятся: онъ такой добрый! Но съ его проклятою хозяйкою, настоящимъ дьяволомъ, не знаютъ какъ управиться, и стараются умилостивить ее жертвоприношеніями. Кромѣ двухъ главныхъ, есть множество второстепенныхъ божествъ. Каждый ихъ богъ происходитъ отъ матери безъ отца, и какъ сами Чувашаи очень лѣнны, то, предполагая то-

же качество и въ своихъ богахъ, они придали каждому изъ нихъ помощника, а къ помощникамъ опредѣлили множество посланцовъ, *кебе*, которые всѣ ѣздятъ въ телегахъ и саняхъ по дѣламъ человечества. Между очень замысловатыми изобрѣтеніями Чувашей по этой части можно помѣстить обычай ихъ, собравшись на моленіе, раздѣлять боговъ между присутствующими, такъ, чтобы каждый молился одному божеству и весь чувашскій Олимпъ былъ удовлетворенъ въ одно время. На вопросъ — что такое Богъ? — они откровенно признаются въ своемъ совершенномъ невѣденіи, присовокупляя: «Какъ можно знать, что Онъ такое!»

Въ одной деревнѣ путешественница застала большія хлопоты: хозяйникъ съ хозяйкой сильно горевали. Госпожа Фуксъ пожелала знать причину ихъ печали, и узнала, что у Чувашей есть обычай отдавать дочерей замужъ непременно въ чужія деревни. Этотъ обычай сдѣлался почти догматомъ ихъ вѣры или, по крайней мѣрѣ, ихъ нравственности. Хозяйскій сынъ хотѣлъ жениться на дѣвушкѣ изъ своей деревни, и нѣжная мать приняла сторону его сердца, но отецъ никакъ не соглашался и приходилъ въ отчаяніе. «Что же тутъ грустнаго? спросила путешественница: чѣмъ ближе невѣста, тѣмъ меньше хлопотъ». Но отецъ утверждалъ, что родителямъ стыдно выдавать дочерей или женить сыновей въ своихъ деревняхъ: всѣ могутъ подумать, будто они любили другъ друга до свадьбы. «Да и грѣшно, очень грѣшно! прибавилъ одинъ изъ стариковъ, собра-

ныхъ для совѣщанія: какъ-можно жениться на дѣвушкѣ, которую каждый день видишь!» По этому случаю, путешественница описываетъ праздникъ «канустку» и чебоксарскую систему избранія невѣсты.

Всѣ болѣзни, и всѣ несчастія, Чуваши приписываютъ злему началу, или Керемети, у которой ужъ заведенъ такой порядокъ, что выздоровѣть никому не позволено, не давъ ей въ жертву жеребенка. Приведя избраннаго жеребенка въ мѣсто, посвященное этой страшной богинѣ, они подвергаютъ его, для ея потѣхи, всѣмъ возможнымъ терзаніямъ, описываютъ вокругъ него большой четвероугольникъ, кладутъ на эту черту сухихъ дровъ со всѣхъ сторонъ и зажигаютъ, а сами между-тѣмъ бѣгутъ прочь, съ крикомъ — *гай!* — *гай!* — *гай!* — и возвращаются, когда жеребенокъ спалится и умретъ. Тогда они вынимаютъ печенку и три ребра съ правой стороны, все остальное сожигаютъ въ пепель, а печенкой кормятъ больнаго, вмѣсто лекарства. Эта чувашская медицинская система производитъ почти тѣ же дѣйствія какъ и многія другія методы врачеванія. Чуваши, люди крайне глубокомысленные и осторожные, говорятъ: «Какъ знать, отчего человекъ выздоравливаетъ!» Но между-тѣмъ они приводятъ множество разительныхъ примѣровъ явнаго и кореннаго излеченія, по этой системѣ, такихъ недуговъ и болѣзней, противъ которыхъ даже сама симпатическо-симметрическо-антагонистическо-праграматическая метода оказывается недѣйствительною.

Этотъ мудрый народъ, столь близкій къ прир-

дѣ, видятъ всѣ вещи съ положительной точки зрѣнія и судятъ о достоинствѣ началъ по ихъ результатамъ. Наблюдая со вниманіемъ ихъ нравы, любезная путешественница заключаетъ, что природа производитъ больше людей добрыхъ нежели злыхъ: право, стоить путешествовать къ Чувавамъ и Черемисамъ, чтобы пріобрѣсти одно уже это убѣжденіе! «Они слѣпо слѣдуютъ влеченію сердца, которое рѣдко ведетъ ихъ къ злу, продолжаютъ госпожа Фуксъ. Рѣдко между ними бываютъ ссоры, еще рѣже вражды: но если ужъ они очень разсердятся, то какое удивительное у нихъ мщеніе! Чувашии пдетъ къ своему непріятелю, и чтобы навлечь на него бѣду, давится на его дворѣ: бѣдныя! они не знаютъ другаго мщенія какъ жертвовать своею жизнію, чтобы причинить бѣду врагу. Я уже тебѣ сказала, что бѣда, въ ихъ понятіи, не что иное какъ пріѣздъ суда на слѣдствіе. Чуваши не знаютъ несчастія выше этого. Сохрани Богъ, говорятъ они, отъ этой бѣды! не только домъ, ей подвергшійся, но и цѣлая деревня страдаетъ. Впрочемъ, благодаря Бога, подъ нынѣшнимъ благодѣтельнымъ правительствомъ Чуваши живутъ спокойнѣе и, въ чебоксарскомъ уѣздѣ, они даже очень любятъ исправника».

Робость и суевѣріе — отличительныя качества чувашскаго народа: пріѣзжайте въ деревню, потребуйте чего угодно, Чуваши, дрожа отъ страха, все готовы отдать. Когда у нихъ печется хлѣбъ, они непрерывно заглядываютъ въ печь и, если на которомъ-нибудь хлѣбѣ лопнетъ корка, тотчасъ

выбрасываюсъ его въ оврагъ. Когда Чувашъ напьется воды изъ рѣчки или колодца, и почувствуетъ себя дурно, онъ тотчасъ бѣжитъ домой, беретъ денегъ, хлѣба, яицъ, и бросаетъ туда. Путешественницу болѣе всего удивили необыкновенно легкіе роды Чувашекъ и сохраняемая послѣ нихъ сила: лишь-только родятъ, онѣ въ ту же минуту идутъ сами топить баню, варятъ пиво и принимаются за всѣ работы. Послѣ Англичанокъ, чувашскія дамы, какъ кажется, самыя богатыя бѣльемъ на земномъ шарѣ: за порядочную невѣстою даютъ по сту рубашекъ въ видѣ *trousseau*. Какъ-скоро кончится молотьба, во всякомъ домѣ наростятъ солоду, наварятъ пива, испекутъ хлѣба, и одинъ день ничего не ѣдятъ. Въ этотъ день бываетъ моленіе. Вся родня собирается къ старшему въ семействѣ. Приходитъ *юмса* (колдунъ), и назначаетъ каждому одного бога, которому онъ долженъ молиться — кому главнаго бога (Тора), кому мать этого бога, кому его сына, лѣшаго, дорожнаго, стаднаго, солнце или мать солнца. Тогда, отворивъ двери, всѣ становятся лицомъ къ ней, то есть къ востоку (домъ ихъ всегда обращены на востокъ), и начинается моленіе. Наконецъ сыновья разрѣзываютъ новый хлѣбъ въ мелкіе куски, а жены и дочери подносятъ ихъ старшимъ, кланаясь въ поясъ и приговаривая: «Просимъ Тору, чтобы вы были живы и здоровы, и чтобы онъ на будущій годъ опять привелъ молотъ новый хлѣбъ вмѣстѣ». Послѣ-того начинается пляска. Чувашаи очень уважаютъ бога житницъ, Теркулю, котораго храмъ обыкновенно бываетъ въ

акомъ - шибудь амбарѣ. Въ прошломъ году священникъ одной деревни, разсердившись на суетворіе своихъ прихожанъ, приказалъ продать два амбара съ Теркулями. Ломаю амбары, русскій крестьянинъ, который купилъ ихъ, нашелъ въ щеляхъ и углахъ до пятнадцати рублей мелкихъ денегъ, принесенныхъ въ жертву Чувашами. «Даже и теперь, говоритъ путешественница, многіе изъ Чувашей, крещеныхъ и не-крещеныхъ, приѣзжаютъ къ крестьянину и кладутъ деньги въ уголъ его амбара, а недавно впустили туда курицу и утку». Древній обычай, столь полезный для антикваріевъ, зарывать въ могилу вмѣстѣ съ умершимъ любимыя его вещи, сохраняется у Чувашей въ первобытной простотѣ. Когда кто умретъ въ семействѣ, тѣло его тотчасъ выносятъ на дворъ, обмываютъ, наряжаютъ въ праздничное платье, кладутъ въ гробъ, и опять вносятъ въ избу, гдѣ, потихоньку отъ священниковъ, помѣщаютъ возлѣ мертвеца все, что нужно было для живаго. Если покойникъ былъ ремесленникъ, то въ гробъ складываютъ его инструменты; умершихъ женщинъ и дѣвицъ снабжаютъ всеѣмъ пужнымъ для рукодѣля: полотномъ, шелкомъ и иглками ту, которая хорошо вышивала, прялкою и куделью ту, которая славилась своею пряжей, и такъ далѣе; по всеѣмъ вообще даютъ денегъ на мелкіе расходы. Отъ этого иногда случаются «забавныя» происшествія. Въ одной богатой семьѣ умеръ отецъ: его похоронили со всеѣми обрядами, и положили въ гробъ сто рублей денегъ. Мошенники, узнавъ, что съ Чувашинномъ положено въ землю много денегъ,

разрыли могилу, раскрыли гробъ, вынулъ деньги, и, посадивъ мертвеца въ гробу, дали ему въ одну руку карты, въ другую штофъ вина. Сдѣлавъ это, они сказали дѣтямъ, что отецъ ихъ ведетъ въ могилѣ развратную жизнь, играетъ въ карты и мертвецки пьетъ вино. Чуваши сбѣжались на кладбище, и въ самомъ дѣлѣ увидѣли покойника съ картами и со штофомъ; денегъ у него уже не было ни копѣйки: ясно, что онъ проигралъ и пропилъ весь свой капиталъ. Они его просили, увѣщевали, оставить эту безпорядочную жизнь и вести себя прилично, вторично положили въ гробъ денегъ и зарыли могилу. Мошенички не пропустили случая воспользоваться ихъ добродушіемъ: снова разрыли могилу, взяли деньги, и увѣдомили родныхъ, что покойникъ не перестаетъ кутить и пьянствовать. Они были увѣрены, что Чуваши всякій разъ будутъ снабжать его деньгами, но эти благонравные люди, пришедши на кладбище, взяли отца, держащаго въ рукахъ штофъ и карты, положили его наземь и высклѣки плетью за развратное поведеніе послѣ смерти. Наказавъ мертвеца въ примѣръ всѣмъ его товарищамъ, они уже безъ денегъ заколотили гробъ и плотно зарыли могилу. Съ тѣхъ поръ безденежный покойникъ велъ себя честно и добропорядочно.

Юмза, или *юмса* — вмѣстѣ колдунъ, жрецъ и лекарь. Кажется, что у Чувашей есть особенный богъ медицины, который покровительствуетъ врачей, и которому молятся пациенты. Это — Ирихъ. Изображенія его, вылитыя изъ олова, имѣютъ видъ маленькихъ пстукановъ, величиною въ вершокъ,

съ руками, ногами и глазами. Его вѣшаютъ въ клетяхъ на рябиновой вѣткѣ, которую по прошествіи девяти лѣтъ перемѣняютъ. Ириху приносятъ въ жертву кисель и прѣсные лепешки, и молятся ему, когда болятъ глаза, зубы, уши, или когда бываютъ сыпь и вередъ.

У этого народа, который, какъ говоритъ господинъ Фуксъ въ своихъ «Отвѣтахъ», чуждается всякаго сношенія съ другими народами, и у котораго тотъ почитается образованнымъ, кто тянулъ лямкою судно отъ Чебоксаръ до Рыбинска или возилъ Русскаго на нижегородскую ярмарку, не должно искать ни богатаго языка, ни отвлеченныхъ идей. Ежедневная молитва Чувашина выражаетъ всѣ его нужды и понятія о счастіи: она проста, благородна и даже трогательна.

*«Тора, сирлихъ!
Тора, анъ-бразъ!
Сюдди Тора!
Сирлакъ сирди Падша,
Ыволданъ, тырданъ!
Тыреранъ, пыланъ,
Тора, бадыръ!
Имяшкянь, смяшкянь,
Сывлыгне, Тора, бадыръ!
Вылихтранъ чирлихтранъ
Толылаъ карда,
Утба карда,
Иляба карда,
Сорыхба карда,
Тора, бадыръ!
Караданъ ниль жалданъ ем-
сяся киллпана ярасъ,*

Тора, помилуй!
Тора, не оставь!
Всевышній Тора!
Спаси земнаго царя,
Сыновей, дочерей!
Хлѣба, меду,
Тора, дай!
Пить, ѣсть!
Здоровья, Тора, дай!
Скогомъ здоровымъ
Наполни дворы.
Лошадьми дворъ,
Коровами дворъ,
Овцами дворъ,
Тора, дай!
Странника, издалека прихо-
днцаго и уставшаго отъ
цути, въ домъ пустить,

*Тора, бадыръ тудухъ.
Шайтанданъ сирлахъ,
Хуза ядерьъ, Тора!*

Тора, дай всегда!
Отъ чорта освободи, выгнавъ
его, о Тора!»

Нѣтъ сомнѣнiя, что, для филологическихъ соображенiй, древняя ежедневная молитва Чувашей-язычниковъ несравненно лучшей матерiалъ нежели переводы съ русскаго на чувашскiй, которые господинъ фонъ-деръ-Габеленцъ принялъ въ основанiе своихъ разысканiй и выводовъ; но мы боимся, что и эта подлинная молитва можетъ повести къ ложнымъ заключенiямъ. Намъ кажется, что языкъ ея — не совсѣмъ чувашскiй, что это — старинная молитва какого-нибудь турецкаго или, если угодно, татарскаго, народа, отъ котораго Чуваша заимствовали свою вѣру или, по-крайней-мѣрѣ, религiозные обряды. Вся она, за исключенiемъ нѣсколькихъ выраженiй, составлена изъ словъ турецкихъ, исковерканныхъ чувашскимъ произношенiемъ, которое обыкновенно *джи* превращаетъ въ *ши* или *си*, *э* въ *р*, *у* въ *ы*, *г* въ *в*, и такъ далѣе, и часто къ гласнымъ прибавляетъ лишнее *в*. *Сирлахъ* (помилуй) вмѣсто *джирлахъ*, *брахъ* (оставь) вмѣсто *бракъ*, *сюлди* (высокий, подзвѣздный) вмѣсто *джюлди* или *джюлдюзъ*, *сирди* (земной) вмѣсто *джирди*, *надша* (царь) вмѣсто *надшахъ*, *ыволданъ* (сыновей) вмѣсто *опулданъ*, *хырданъ* (дочерей) вмѣсто *кызданъ*, *бадыръ* (дай) вмѣсто *беръ*, *исмяшканъ* (для питья, пить) вмѣсто *чмякянъ*, *симлячкянъ* (для ѣды, ѣсть) вмѣсто *джимлякянъ*, *томылахъ* (наполни) вмѣсто *толудуръ* или *толдуръ*, *сорыхъ* (овца), *ине* (корова), и такъ далѣе, все это не что иное какъ исковерканныя

татарскія слова, которыхъ нельзя не узнать съ перваго взгляда, несмотря на уклоненіе чужеземнаго выговора и не совсѣмъ вѣрную передачу русскими буквами. Промѣчательная форма двухъ дѣепричастій, *исляшканъ*, *сисляшканъ* (для питья, для ѣды) — коренныя татарскія и, какъ кажется, не свойственны чувашскому языку, а самая длинная фраза — «*Странника издалека приходящаго и уставшаго отъ пути въ долъ пустить, Тора, дай*», — эта фраза, которую мы сейчасъ повторимъ и по-чувашски и по-татарски, не только по словамъ и фразамъ, но и по словосочиненію — татарская:

*Караданъ киль жолданъ вы-
сяся килгана ярасъ, Тора,
бадыръ.*

*Караданъ киль, джолданъ
узаджа килгани ярата, То-
ра, беръ.*

Буквально, въ обоихъ случаяхъ, это значитъ: «Изъ поля приходя, изъ дороги далеконько пришедшаго, спасти, Тора, дай».

Нѣтъ сомнѣнія, что во многомъ чувашскій языкъ близокъ къ турецкому; спряженія и склоненія его какъ-бы преобразованы по татарскимъ правиламъ: но все же они въ сущности не татарскія и такого разительнаго сходства между двумя языками, какъ въ этомъ примѣрѣ, мы вовсе не видимъ въ прочихъ текстахъ, приводимыхъ путешественницею: тамъ, напротивъ, и слова, и формы, и словосочиненіе, довольно различны. Это обстоятельство и заставляеть насъ подозрѣвать, что приводимая господиномъ Фуксомъ ежедневная молитва, вѣроятно, перенесена въ чувашскій языкъ изъ служебника другаго народа. Скандинавское названіе

главнаго бога, *Тора, Торз*, не должно удивлять никого, потому-что, по преданіямъ самой Эдды, богопочитаніе Тора перешло къ Норманнамъ отъ береговъ Каспійскаго Моря. Во всякомъ случаѣ, этотъ донинѣ сохранившійся у Чувашей слѣдъ Торова богопочитанія весьма замѣчателенъ. У Черемисовъ, напротивъ, главный богъ носитъ финское имя, *Юма* — въ дательномъ падежѣ *Юмаланъ* — также очень любопытное слово, потому-что отъ него явственно происходитъ нѣмецкое *Himmel*. Коснувшись этого предмета, должно прежде всего отмѣтить нѣкоторыя ошибки, вкравшіяся подъ перомъ госпожи Фуксъ въ ея списокъ черемисскихъ боговъ.

«Ильанъ Юма.

Ильанъ Юма абаджа.

Ильанъ Юманъ пілмъ.

Баръ.

Ильанъ Юманъ сакча.

Кугуджанъ Юма.

Кугуджанъ Юманъ абажа.

Кугуджанъ Юманъ пілмбаръ.

Кугуджанъ Юманъ сакча.

Каба Юма.

Кабанъ Юманъ абаджа.

Кабанъ Юманъ сакча.

Тюна Юма.

Юманъ онъ.

Мордэжъ онъ.

Моланда аба.

Кеча онъ.

Тельча онъ.

Шудюръ онъ.

Мьюкшъ онъ.

Вюдъ онъ.

Богъ царя.

Богъ матери государя.

Богъ пророка государева.

Богъ ангела государева.

Первый у бога святой.

Мать перваго святаго.

Богъ ангела перваго святаго.

Богъ всего свѣта.

Богъ боговъ.

Богъ вѣтровъ.

Мать земли.

Богъ солнца.

Богъ луны.

Богъ звѣздъ.

Богъ пчелъ.

Богъ воды.

Названій первыхъ боговъ путешественница не переводить на русскій языкъ; три первыя и пятое значать:

1. Великій богъ. (*Ильянъ Юма.*)
2. Великаго бога мать. (*Ильянъ Юманъ абаджа.*)
3. Великаго бога пророкъ. (*Ильянъ Юманъ піам-*
4. *Баръ.*)
5. Великаго бога ангель,
или посланецъ.

Что касается до четвертаго божества въ этомъ спискѣ, то оно не должно въ немъ существовать. Мы увѣрены, что такого божества нѣтъ во всей мифологіи Черемисовъ. Этотъ мнимый богъ *Баръ* — не что иное какъ послѣдній слогъ предъидущаго слова *піамъ*; должно читать, не отдѣльно — *Ильянъ Юманъ піамъ* и *Баръ*, но вмѣстѣ — *Ильянъ Юманъ піамбаръ*, что значитъ «Великаго бога пророкъ». Слово *піамбаръ* очевидно — исковерканное персидское *пейгамберъ*, которое имѣетъ то же самое значеніе. Далѣе —

в мѣсто:

слѣдовало перевести:

Богъ матери государя	Мать государева бога.
Богъ пророка государева	Пророкъ государева бога.
Богъ ангела государева	Ангель государева бога.
Богъ ангела перваго святаго	Ангель перваго у бога святаго.
Мать земли	Земля-мать.
Богъ боговъ	Духъ (<i>оузъ</i>) боговъ.
Богъ вѣтровъ	Духъ вѣтровъ.
Богъ солнца	Духъ солнца.
Богъ луны	Духъ луны.

Богъ звѣздъ	Духъ звѣздъ.
Богъ пчель	Духъ пчель.
Богъ воды	Духъ воды,
	и прочая.

Исправленный такимъ образомъ переводъ названій даетъ совсѣмъ другое понятіе о сущности черемисской мифологіи; но, безъ-сомнѣнія, въ этомъ списокѣ недостаетъ еще многихъ именъ.

При всѣхъ натяжкахъ, трудно было бы открыть въ черемисскомъ языкѣ малѣйшее лексикографическое сходство съ турецкими нарѣчіями. Это совсѣмъ другой языкъ, который даже, какъ кажется, испыталъ очень мало татарскаго вліянія. Общій типъ языка конечно — турецкій, но всѣ финскіе, монгольскіе, маньчжурскіе и турецкіе языки представляютъ одинаковый общій типъ; это языки, такъ сказать, одной фабрики. Въ черемисской молитвѣ встрѣчается слово *вола*, «святой», «свѣтлый», отъ котораго происходитъ названіе знаменитой рѣки: здѣсь оно употреблено въ видѣ нарѣчія — *волыдынь*, «свѣтло». Госпожа Фуксъ очень мило описываетъ черемисскій праздникъ, который называется *ага-парямъ*. Слово *парямъ* — это татарское *байрамъ*, или *пайрамъ*, и значитъ праздникъ.